

ЦЕРЕМОНИЯ КНЯЖЕСКОЙ ИНТРОНИЗАЦИИ НА РУСИ В ДОМОНГОЛЬСКИЙ ПЕРИОД

В исследовании процессов формирования и развития древнерусской государственности важное место занимает изучение института верховной власти¹, в том числе проблемы восприятия власти обществом и представлений носителей власти о своем месте в обществе. Это восприятие и эти представления проявлялись, в частности, в церемониальных действиях, для людей средневековой эпохи имевших особое значение. Одна из главных для носителя власти церемоний — занятие престола — является и наиболее показательной в этом отношении. Здесь особенно ярко проявляется то представление о природе, характере власти, которое свойственно и ее представителям, и обществу в целом.

Тем не менее церемония вступления князей на престол в домонгольской Руси достаточно редко привлекала внимание исследователей — по причине устойчивого представления о крайне малом количестве данных о ней. Первые попытки обращения к этому вопросу делались преимущественно в рамках работ, посвященных процедуре венчания на царство московских государей — теме, несравненно лучше обеспеченной источниками и, соответственно, гораздо более популярной в историографии², а также в связи с проблемой отношений церкви и государства.

По мнению А. В. Горского, возведение князя на «стол» производилось в соборной церкви, с благословения «святителя или других духовных лиц». В качестве примера были приведены сообщения Ипатьевской летописи о вокняжениях Изяслава Мстиславича и Вячеслава Владимировича в Киеве (соответственно в 1150 и 1151 г.) и Лаврентьевской летописи о вокняжении Константина Всеволодича в Новгороде (1206 г.)³.

Митрополит Макарий, говоря о роли церкви в политической жизни домонгольской Руси, отметил роль духовенства в посажении князя на стол, исходя из пяти летописных известий: о вокняжении в Киеве Владимира Мономаха в 1113 г., Вячеслава Владимировича, а затем Всеволода Ольговича в 1139 г. (о возведении на стол Всеволода — по Никоновской летописи XVI в.), Изяслава Мстиславича в 1146 г. и о вступлении на псковский стол Всеволода-Гавриила Мстиславича в 1138 г. (по псковской летописи, относящейся к концу XV в.). Макарий указал также такой элемент церемонии, как встреча князя при въезде в город⁴.

Е. В. Барсов, отметив, что насчет того, как совершалось посажение князя на «стол», в источниках «нет определенных указаний», тем не менее, сделал вывод, что это происходило в храме «главного города». В качестве иллюстрации им приводились те же самые три летописных известия, на которые указывал А. В. Горский⁵.

К. М. Попов привлек к рассмотрению вопроса, помимо известий о вокняжении Владимира Мономаха в 1113 г., Вячеслава Владимировича в 1139 и 1151 г., Изяслава Мстиславича в 1150 г. и Константина Всеволодича в 1206 г., также сообщение о вокняжении во Владимире Ярополка Ростиславича в 1175 г. Он пришел к выводу, что интронизация имела церковный характер: она происходила в главном храме, где князя сажали на престол. В то же время на основании известия о

¹ Из новейших работ см.: *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб., 2003.

² Библиографию работ по царской коронации см.: *Филлюшкин А. И.* Формулы самопрезентации высшей власти в invocation посольских грамот Ивана IV // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2006. № 1 (23). С. 76–78.

³ *Горский А. В.* О священнодействии венчания и помазания царей на царство // *Творения святых отцов в русском переводе.* Т. 49. М., 1882. Прибавления. С. 131–133 (статья была написана в 1856 г.).

⁴ *Макарий.* История русской церкви. Т. 2. СПб., 1857. С. 230, 363. Прим. 484.

⁵ *Барсов Е. В.* Исторический очерк чинов священного венчания на царство в связи с развитием идеи царя на Руси // *ЧОИДР.* 1883. Кн. 1. С. XIII–XIV.

посаждении Изяслава в 1150 г. К. М. Попов отметил, что из храма процессия «почему-то» отправлялась на княжеский двор, где устраивался «обед»⁶.

Н. Покровский ограничился упоминанием о поставлении Изяслава Мстиславича, Вячеслава Владимировича и Константина Всеволодича; это дало ему основания к заключению, что церемония состояла из встречи князя духовенством и народом и посажения его на стол в соборном храме с благословением митрополита⁷.

В XX столетии вплоть до начала 90-х годов к проблеме интронизации князя в Древней Руси обращались исключительно зарубежные исследователи.

Немецкий историк Л. К. Гетц затронул эту тему в связи с изучением отношений на Руси государства и церкви. Он привлек больше, чем предшественники, известий, содержащих данные о вступлении князя на стол, — восемь⁸. Из них три ранее историками не использовались: о вокняжении в Киеве Романа Ростиславича в 1174 г., а также о вступлении на стол в Смоленске в 1180 г. Давыда Ростиславича и в Новгороде в 1178 г. Мстислава Ростиславича. Вывод автора — церемония интронизации носила церковный характер⁹.

В 1952 г. к проблеме церемонии вокняжения в Древней Руси обратился в работе, опять-таки посвященной отношениям церкви и государства, В. К. Медлин (США). Он выделил такие элементы церемонии, как встреча князя у ворот города населением и посещение кафедрального собора, где митрополит благословлял князя на княжение. Автор привлек шесть известий, ранее уже рассмотренных в историографии¹⁰.

Устоявшееся вроде бы к середине XX столетия мнение о церковном характере церемонии интронизации, о ведущей роли в ней представителей духовенства подверг сомнению в 1956 г. чешский исследователь Ф. Дворник в работе, посвященной восприятию на Руси византийских идей. По его мнению, церемония носила в XI—XII в. светский характер; роль церкви в ней была скромной — ограничивалась участием в торжественной встрече князя при въезде в город и приветствием нового правителя; местом проведения церемонии вступления князя на киевский стол (в XII в.) Дворник считал, тем не менее, Софийский собор. Лишь с конца XII — начала XIII в., причем в Северо-Восточной Руси, наблюдается, под влиянием византийских идей, увеличение роли церкви в процедуре интронизации. Автором были привлечены пять известий, из которых сообщение о вокняжении Юрия Владимировича в Киеве 1149 г. рассматривалось впервые¹¹.

Проблема интронизации древнерусских князей была затронута в двух работах (1980 и 1986 г.) польского исследователя А. В. Поппэ, причем одна из них посвящена (впервые в историографии) специально данной теме. По его мнению, следует предполагать существование на Руси с конца X в., со времени сразу после крещения страны Владимиром Святославичем, заимствованной из Византии церковной церемонии интронизации. Этот обряд был принесен на Русь в готовом виде благодаря жене Владимира, сестре византийских василевсов Анне. Вступление на престол осуществлялось в воскресные дни; сначала происходила торжественная встреча князя при въезде в город народом и знатью, затем

⁶ Попов К. М. Чин священного коронования (исторический очерк образования чина) // Богословский вестник. Сергиев Посад. 1896. Апрель. С. 182—185.

⁷ Покровский Н. Чин коронования государя в его истории // Церковный вестник. 1896. № 18. С. 572—573.

⁸ Девятое использованное Гетцем известие — сообщение Лаврентьевской летописи о проходах Святослава Всеволодича из Владимира в Новгород (1200 г.) — упоминает только проходы князя и не говорит о его посажении на новгородский стол.

⁹ Goetz L. K. Staat und Kirche in Altrussland. В., 1908. S. 30—32. Из используемых предшественниками Гетц привлек известия о вокняжении Владимира Мономаха в 1113 г., Вячеслава Владимировича в 1139 г., Ярополка Ростиславича в 1175 г. и Константина Всеволодича в 1206 г.

¹⁰ Medlin W. K. Moscow and East Rome. A Political Study of Relations of Church and State in Muscovite Russia. Genève. 1952. P. 54—61. Привлечены были известия о вокняжении Владимира Мономаха (1113 г.), Вячеслава Владимировича и Всеволода Ольговича (1139 г.), Изяслава Мстиславича (1146 г.), Романа Ростиславича (1174 г.) и Константина Всеволодича (1206 г.).

¹¹ Dvornik F. Byzantine Political Ideas in Kievan Russia // *Dumbarton Oaks Papers*. Т. 9/10. 1956. P. 116—121. Из ранее использованных автор привлек известия о вокняжении в Киеве Владимира Мономаха в 1113 г. (с указанием, что оно содержит первое свидетельство о роли церкви в церемонии вокняжения), Изяслава Мстиславича в 1146 г., Вячеслава Владимировича в 1139 г. и о вступлении на новгородский стол Константина Всеволодича в 1206 г.

церемония переходила в собор, где митрополит или епископ служил торжественную службу; князь обещал княжить в соответствии с правовыми нормами, целовал крест, после чего его возводили на трон. А. В. Поппэ первым поставил вопрос о местонахождении княжеского «стола» (престола) как конкретного предмета. Этот стол в Киеве, по его мнению, находился сначала (при Владимире Святославиче) в киевской Десятинной церкви, а затем был перенесен Ярославом Владимировичем в Софийский собор¹².

В 1990 г. вопрос об интронизации древнерусских князей затронул другой польский исследователь — Я. Банашкевич, в статье, посвященной походу Болеслава Храброго на Киев 1018 г. и его отношениям с дочерью Владимира Предславой. Он привлек шесть известий, в том числе два ранее не использовавшихся: о вокняжении в Киеве Изяслава Ярославича в 1069 г. и Святополка Изяславича в 1093 г. Кроме того, Я. Банашкевич рассмотрел проблему (впервые в историографии) на фоне сведений о церемонии возведения на престол у других славянских народов — чехов и карantanцев. Автор пришел к выводу, что по русским материалам сложно понять, где находился стол в начале XI в., и осторожно предположил (по аналогии с Чехией), что он мог стоять на площади близ кафедрального собора (Киевской Софии). Предшествующими возведению на стол элементами церемонии он посчитал встречу князя населением при въезде в город и посещение кафедрального собора¹³.

В 1992 г. проблеме интронизации уделил несколько страниц своего труда о княжеской власти в Древней Руси украинский исследователь А. П. Толочко. По его мнению, в X—XI в. стол находился на княжеском дворе. К концу XI столетия А. П. Толочко относит начало проведения церемонии интронизации в церкви и с этим же временем связывает перенос «стола» с княжеского двора в Софийский собор. Церковная церемония с этого времени стала обязательной; если она не происходила по каким-то причинам при вступлении князя в его права, то осуществлялась «задним числом». При этом в 50-е годы XII в. ненадолго возродился обычай совершать посажение на стол на княжеском дворе (при сохранении обязательности церковного обряда). Процедура «настоования» в XII в. начиналась въездом князя в город при стечении народа и духовенства (как правило, в воскресный день или в праздник); в кафедральном соборе происходило торжественное богослужение, князь совершал поклонение Христу и Богородице, затем садился на находящийся здесь же стол; потом он встречался с народом и заключал с ним «ряд», после чего следовал на свой двор и устраивал там пир. А. П. Толочко использовал больше, чем кто-либо из предшественников, известий, содержащих описание восхождения на престол, — тринадцать. Из них семь были привлечены впервые: это сообщения о вокняжении в Киеве Всеслава Брючиславича в 1068 г., Святослава Ярославича в 1073 г., Изяслава Мстиславича в 1150 г.¹⁴, Вячеслава Владимировича в 1150 г. и Рюрика Ростиславича в 1194 г., а также о вокняжении в Галиче Даниила Романовича в 1208 и 1238 г.¹⁵

Недавно тему интронизации киевских князей затронул в ряде работ другой украинский ученый — В. М. Рычка (причем последняя по времени его статья специально посвящена данной теме). По его

¹² Poppe A. Das Reich der Rus im 10 und 11 Jahrhunderts: Wandel der Ideenwelt // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge, 1980. Bd. 28. H. 3. S. 351–352; idem. The Enthronement of the Prince in Kievan Rus' // The 17th International Byzantine Congress: Abstracts of Short Papers. Washington, 1986. В первой из указанных работ, где тема интронизации затрагивается мельком, в примечании, А. Поппэ упоминает четыре летописных известия, содержащих сведения о церемонии: о вокняжении в Киеве Святополка Изяславича в 1093 г., Владимира Мономаха в 1113 г., Вячеслава Владимировича в 1139 г. и Константина Всеволодича в 1206 г. в Новгороде. Другая же работа хоть и посвящена специально интронизации, но носит характер тезисов; ссылки в ней отсутствуют, поэтому сложно судить, каким комплексом свидетельств источников пользуется автор.

¹³ Banaszkiewicz J. Bolesław i Peredслава: Uwagi o uroczystości stanowienia władcy w związku z wejściem Chrobrego do Kijowa // Kwartalnik historyczny. 1990. № 4. S. 8–21. Из привлекавшихся ранее автор использовал сообщения о вокняжении Владимира Мономаха в 1113 г., Всеволода Ольговича в 1139 г. (из Никоновской летописи), Изяслава Мстиславича в 1146 г. и Константина Всеволодича в 1206 г.

¹⁴ Существуют известия о двух вступлениях Изяслава на стол в 1150 г. Одно из них использовалось предшественниками А. П. Толочко, другое — нет.

¹⁵ Толочко А. П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992. С. 139–147. Из ранее привлекаемых в историографии были использованы известия о вокняжении Святополка Изяславича в 1093 г., Владимира Мономаха в 1113 г., Изяслава Мстиславича в 1150 г., Вячеслава Владимировича в 1151 г., Ярополка Ростиславича в 1175 г. и Константина Всеволодича в 1206 г.

мнению, церемония интронизации прослеживается по источникам с XII в.; она сформировалась под византийским влиянием и состояла из трех частей: торжественной встречи князя у Золотых ворот города, богослужения и возведения на стол в храме св. Софии и празднества на «Великом дворе Ярославлем». Сначала В. М. Рычка высказался против толкования летописной формулы «седе на столе» как указания на реальное посажение князя на стол в храме, посчитав, что она носит символический характер¹⁶. Но затем он склонился к толкованию стола как реального предмета и солидаризировался с мнением А. В. Поппэ, что первоначально этот стол находился в Десятинной церкви, а в середине XI столетия был перемещен в Софийский собор¹⁷. В. М. Рычка упомянул десять известий об интронизации, все из числа использовавшихся его предшественниками¹⁸.

Таким образом, можно констатировать явно недостаточную изученность темы интронизации древнерусских князей. Исследователи, как правило, использовали крайне ограниченный круг одних и тех же известий. Всего в литературе было привлечено их 18 (не считая двух из поздних летописей), при том, что, как будет показано ниже, такого рода известий имеется в источниках 29. Высказывались разные мнения о времени появления церковной церемонии возведения князя на престол, о местонахождении «стола», о степени воздействия византийских обычаев на древнерусскую интронизацию.

В настоящей работе предпринимается попытка рассмотреть все известия источников, содержащие информацию о порядке возведения князей на престол в домонгольскую эпоху¹⁹ (в качестве верхней хронологической грани берется 1240 г. — дата взятия Батыем Киева)²⁰.

Сведения об интронизации

Первые сведения о церемонии интронизации содержатся в рассказе «Повести временных лет» о вокняжении в Киеве в 1068 г. полоцкого князя Всеслава Брючиславича. После освобождения Всеслава из поруба восставшие киевляне «прославиша и средѣ двора къняжа»²¹. Имеется в виду двор бежавшего киевского князя Изяслава Ярославича. Ниже говорится, что Всеслав «сѣде в Къевѣ»²², т. е. он признается киевским князем. Правда, обстоятельства, при которых произошло вокняжение Всеслава, носили экстраординарный характер, поэтому встает вопрос, можно ли говорить в данном случае о какой-либо церемонии интронизации. Однако *прославление* Всеслава находит аналогию в известии Галицко-Волынской летописи о событиях в Галицкой земле в начале XIII в.: тогда боярин Володислав и его родня «славяхоу...

¹⁶ Рычка В. «Київ — другий Єрусалим». Київ, 2005. С. 124–126; Он же. «Город Ярослава»: символическое содержание летописного образа // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2007. С. 155–158.

¹⁷ Рычка В. «Владимиръ на столѣ» (Обряд інтронізації в Київській Русі) // Ruthenica. Т. VI. Київ, 2007. С. 118–127.

¹⁸ О вокняжении в Киеве Святослава Ярославича в 1073 г., Святополка Изяславича в 1093 г., Владимира Мономаха в 1113 г., Изяслава Мстиславича в 1146 и 1150 (2 известия) г., Ростислава Мстиславича в 1154 и 1160 г., Рюрика Ростиславича в 1194 г., а также о вокняжении в Новгороде Мстислава Ростиславича в 1178 г.

¹⁹ Княжеская интронизация в последующий период, когда она была осложнена ханской санкцией на занятие стола, может быть темой отдельного исследования (впрочем, данных источников о содержании этой церемонии в эпоху зависимости от Орды еще меньше, чем от домонгольского периода).

Привлекавшиеся в некоторых работах наших предшественников известия Никоновской летописи о вокняжении в Киеве в 1139 г. Всеволода Ольговича и Псковской II летописи о вокняжении в Пскове в 1138 г. Всеволода Мстиславича, скорее всего, сконструированы составителями этих поздних (соответственно начала XVI и конца XV в.) летописных сводов. Известие Никоновской летописи, в котором говорится о посажении князя на стол митрополитом, является дополнением к сообщению более ранних летописей, что митрополит выступил посредником в переговорах между Всеволодом Ольговичем и занимавшим до него киевский стол Вячеславом Владимировичем (ср.: ПСРЛ. М., 1965. Т. 9. С. 163; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 225; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 149; ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 34). Известия Псковской II летописи о встрече Всеволода Мстиславича духовенством и народом нет в наиболее ранней дошедшей до нас псковской летописи — Псковской I (ср.: Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 10; Вып. 2. М., 1955. С. 19, 77).

²⁰ В силу этого не рассматривается известие Ипатьевской летописи под 1287 г., в ряде работ трактуемое как сообщение о церемонии вокняжения во Владимире-Волынском Мстислава Даниловича, а также вопрос о молитве, читавшейся во время церемонии, так как исследователи в своих гипотетических суждениях о ней исходили из поздних данных.

²¹ ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 171. Так в тексте ПВА по Лаврентьевской летописи, в Ипатьевской — вместо «прославиша» явно ошибочное «поставиша» (ПСРЛ. Т. 2. М., 2001. Стб. 161).

²² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 172; Т. 2. Стб. 161.

Игоревича»²³. Речь идет, правда, не о возведении на стол, а только о призыве сделать Владимира Игоревича галицким князем, тем не менее примечательно применение именно глагола «славить» для обоснования прав претендента на княжение. Следовательно, скорее всего, упомянутое «прославление» Всеслава посередине («средь») княжеского двора — обряд (или часть обряда) провозглашения князем. Описываемое поведение киевлян — ведут Всеслава из поруба на середину княжеского двора, где провозглашают его князем, — явно говорит о наличии некоторых элементов церемонии в их действиях.

Изгнанный в результате восстания из Киева Изяслав обратился за помощью к польскому князю Болеславу и в следующем, 1069 г. вместе с ним двинулся на Киев. Всеслав бежал; Изяслав по просьбе своих братьев Святослава и Всеволода не стал вести поляков на Киев, а послал сына Мстислава расправиться с участниками восстания, после чего сам направился к городу. В «Повести временных лет» говорится о встрече киевлянами своего князя и его восшествии на стол: «Изяславу же идущю къ граду, изидоша людье противу ему поклоном и прияша князь свои кыянѣ и сѣде Изяславъ на столѣ своемъ месяца мая въ 2 день»²⁴. Из последующих сообщений о вокняжениях известно, что одним из элементов интронизации был торжественный въезд князя в город и встреча его горожанами (см. ниже). В данном случае, несмотря на экстраординарность ситуации (князь-мститель и раскаивающиеся горожане), все же можно предположить, что это первое упоминание именно такого явления.

Под 1073 г. в рассказе об изгнании Изяслава Ярославича из Киева братьями Святославом и Всеволодом говорится, что младшие Ярославичи «внидоша в Кыевъ месяца марта в 22 и сѣдоша на столѣ на Берестовомъ»²⁵. Берестово — княжеское село под Киевом²⁶. Из летописного сообщения под 1096 г. следует, что в Берестове был княжеский двор («Бонякъ с половци... повоева около Кыева и пожже на Берестовѣмъ дворъ княжь»²⁷). Почему Святослав и Всеволод занимают именно двор на Берестове, а не в Киеве, ведь город к этому моменту был уже ими занят («и изиде Изяславъ ись Кыева, Святослав же и Всеволодъ внидоша в Кыевъ»²⁸)? Можно предположить, что Берестово было основным местом пребывания князя Изяслава после событий 1068 г., более безопасным в его глазах, чем киевский двор, разграбленный восставшими киевлянами. Не исключено, что напуганный восстанием в Киеве Изяслав сделал Берестово своей постоянной резиденцией (с той же целью предотвращения в будущем подобных событий, с которой он перенес в 1069 г. киевский «торг», служивший вечевой площадью, с Подола на гору²⁹). В этом случае непонятное на первый взгляд занятие Святославом и Всеволодом двора Изяслава не в Киеве, а на Берестове выглядит вполне обоснованно, раз именно Берестово — основная резиденция предыдущего киевского князя.

Дополнительные сведения о событиях 1073 г. можно найти в Несторовом Житии Феодосия Печерского. О данном эпизоде там говорится: «То же тако ть (Изяслав. — К. Г.) прогънанъ бысть от града стольнааго и онѣма (Святослав и Всеволод. — К. Г.), пришедшема в градъ ть, посылаета же по блаженнааго отьца нашего Феодосия, бѣдѣца того прити къ тѣма на обѣдъ и причетатися неправдѣнѣмъ тѣмъ съвѣтѣ... Нѣ обаче она (Святослав и Всеволод — К. Г.)... устрѣмистася на пргънание брата своего, иже от всѣя тоя области отьгънаста того, и тако възвратистася въспѣть. И единому сѣдѣшу на столѣ томъ брата и отьца своего, другому же възвративъшюся въ область свою»³⁰. Обед, на который князя приглашают Феодосия, скорее всего не что иное, как один из элементов церемонии интронизации, известный из позднейших известий (где о нем упоминается сразу после сообщения о том, что тот или иной князь «сел на столе», см. ниже). Вероятно, приглашали Феодосия на обед именно в княжеский двор в Берестове, расположенном рядом с Печерским монастырем.

²³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 718.

²⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 174; ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 163.

²⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 182; ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 172.

²⁶ См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 67, 115, 144.

²⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 231; ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 221.

²⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 172; ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 182.

²⁹ См. об этом: Лукин П. В. Зачем Изяслав Ярославич «възгна торгъ на гору»? // Средневековая Русь. М., Вып. 7. 2007.

³⁰ Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997. С. 420.

Известия «Повести временных лет» и Жития Феодосия о событиях 1073 г. дополняют друг друга (возможно, они написаны одним автором — Нестором, и во всяком случае летописец — тоже монах Киево-Печерского монастыря), позволяя предположить следующую последовательность событий: Святослав и Всеволод прогоняют Изяслава из Киева, занимают его двор на Берестове, приглашают Феодосия на обед, затем Святослав уже один садится на столе в Киеве. Примечательно, что как посажение на «стол» (причем двух князей: летописец употребляет форму двойственного числа — «сѣдоста») расценено занятие конкретного княжеского двора. Налицо, таким образом, два элемента интронизации — занятие двора князя-предшественника и последующий пир.

После смерти Всеволода Ярославича в 1093 г. киевским князем стал сидевший до этого в Турове Святополк Изяславич. В связи с его вокняжением в летописи описывается торжественная встреча князя киевлянами: «В день антипаскы месяца априля въ 24 день приде Святополкъ Киеву, изидоша противу ему кияне с поклономъ и прияша с радостью, и сѣде на столѣ отца своего и стрья своего»³¹. Здесь видим второе после 1069 г. известие о встрече князя горожанами (заметим, что на этот раз вокняжению не сопутствуют экстраординарные обстоятельства).

В 1113 г. после смерти Святополка Изяславича киевляне пригласили на киевский стол Владимира Мономаха, княжившего в Переяславле. В рассказе о его вокняжении вновь сообщается о торжественной встрече князя народом, при этом содержится добавление об участии в ней духовенства во главе с митрополитом: «Володимеръ Мономахъ сѣде в Киевѣ в недѣлю; оусрѣтоша же и митрополитъ Никифоръ съ епископы и со всеми кияне с честию великою, сѣдѣ на столѣ отца своего и дѣдѣ своих»³². Это первое известие об участии в церемонии церковных иерархов.

В Лаврентьевской и близких к ней летописях сообщается о вокняжении в Киеве после смерти Ярополка Владимировича в начале 1139 г. его брата Вячеслава: «и вниде Вячеславъ брат его в Киевѣ и людем с митрополитом срѣтшим его и посадиша и на столѣ прадѣда своего Ярослава месяца февраля въ 22 день»³³. Здесь снова видим торжественную встречу князя народом и духовенством.

Большая летописная статья Ипатьевской летописи 1146 г. сообщает о двух вокняжениях в Киеве: Игоря Ольговича и Изяслава Мстиславича. Но, в отличие от подробного описания интронизации Изяслава, детали посажения на киевский стол Игоря не сведены в одно сообщение, а разбросаны в тексте статьи. Если собрать эти разрозненные известия воедино, то вырисовывается следующая последовательность событий: киевляне целуют крест Игорю «под Угорским» еще при жизни его брата, киевского князя Всеволода Ольговича, «рекоуче: ты наш князь»; на следующий день крест князю целуют жители Вышгорода; после смерти Всеволода Игорь едет в Киев и созывает киевлян «на гору, на Ярославль двор», киевляне снова целуют ему крест. После этого в Киеве начинаются волнения и киевляне требуют, чтобы Игорь целовал крест им, что князь и совершает. Затем Игорь едет на обед³⁴. Таким образом, прослеживаются следующие элементы церемонии интронизации (помимо «предварительного» признания Игоря князем при жизни Всеволода): занятие Игорем городского двора («Ярославль двор») после смерти Всеволода, крестоцелование киевлян там новому князю, обед (пир). Целование креста Игорем киевлянам вызвано волнениями в Киеве и требованием самих киевлян, т. е. не является элементом собственно церемонии интронизации.

Вокняжению в Киеве Изяслава Мстиславича в том же 1146 г., после свержения Игоря, посвящено более компактное летописное сообщение: «Изяславъ же... с великою славою и честию въѣха в Киевѣ и выидоша противуо емоу множество народа — игоумени с черноризьци и попове всего города Киева в ризахъ и приѣха къ святой Софьи и поклонися святой Богородици и сѣде на столѣ дѣда и отца своего»³⁵.

³¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 218; ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 209.

³² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 276.

³³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 306; ПСРЛ. Т. 38. С. 110; ПСРЛ. Т. 41. С. 67.

³⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 320–322.

³⁵ Там же. Стб. 327.

Ранее говорится о провозглашении Изяслава князем: «Ты наш князь», — говорят ему по мере его продвижения к Киеву черные клобуки, жители Поросья, белгородцы, жители Василева и киевляне³⁶, что сходно с провозглашением князем Игоря Ольговича киевлянами под Угорским. Таким образом, в этом известии мы видим следующие элементы интронизации: торжественную встречу князя горожанами и духовенством, а также (впервые) посещение кафедрального собора святой Софии. Обряд, совершавшийся в храме, заключается в поклонении его главной святыне — иконе св. Богородицы.

В 1149 г. киевским князем становится Юрий Владимирович Долгорукий. В летописи сообщается о торжественной встрече князя киевлянами, об участии духовенства при этом не упоминается: «Гюрги же поѣха оу Киевѣ, и множество народа выде противу ему с радостью великою, и сѣде на столѣ отца своего, хваля и славя Бога»³⁷.

Обширная летописная статья под 1150 г. содержит много подробностей, касающихся интронизации. Так, в рассказе об изгнании Юрия Владимировича Изяславом Мстиславичем из Киева говорится, что Вячеслав Владимирович занял Киев раньше Изяслава и «сѣде на Ярославли дворѣ»; ниже киевляне, обращаясь к Изяславу, говорят: «Гюрги вышель ис Киева, а Вячеслав сѣдити ти в Киевѣ, а мы его не хочемъ»³⁸. В пересказанном следом послании Изяслава к Вячеславу встречаем ту же трактовку действия, совершенного Вячеславом: «я есмь позывалъ тебе Киевоу сѣдѣть, а ты еси не восхотѣлъ, а ныне ци сего еси дозрѣлъ, оже брат твои выехалъ, а ты ся садиши в Киевѣ»³⁹. Следовательно, то, что Вячеслав «сѣде на Ярославли дворѣ», расценивается как вступление его на киевское княжение. Таким образом, здесь мы снова видим, что занятие княжеского двора расценивается как вокняжение в городе.

Недовольные вокняжением Вячеслава киевляне обращаются к Изяславу с речью: «Кияне же рекоша Изяславоу: “Ты наш князь, поѣди же къ святой Софѣи, сяди на столѣ отца своего и дѣда своего”». Вячеслав отказывается добровольно покинуть киевское княжение, однако, несмотря на это, Изяслав «поклонивъся святой Софѣи и възѣхъ на дворѣ да Ярославль всим своимъ полкомъ»⁴⁰. Но о том, что «Изяславъ сѣде Киевѣ», т. е. официально стал киевским князем, говорится только после того, как он сумел договориться с Вячеславом и тот покинул «Ярославль двор», а затем и город⁴¹. Таким образом, в данном рассказе второй раз встречаем поклонение иконам в соборе как элемент церемонии интронизации; необходимым элементом, без которого вокняжение оказывается «неполным», является занятие княжеского двора.

В том же году Юрий Владимирович с помощью Владимира Галицкого попытался вернуть себе киевское княжение. Полки Владимира направляются к Киеву. Изяслав просит помощи у Вячеслава, обещая ему киевский стол. Увидев размеры войска Владимира, Изяслав отказывается от борьбы и возвращается в Киев. Оказалось, что «Вячеславъ же бяше до него въѣхалъ в Киевѣ и сѣлъ на Ярославли дворѣ»⁴². Далее сообщается о том, что войска Юрия и его сторонников подошли к Киеву, когда князья «думавше начаста обѣдати»⁴³. Речь идет о совете («думе») Изяслава и Вячеслава, совмещенном с обедом. Вряд ли имеется в виду обычная княжеская трапеза, скорее всего, мы видим здесь еще одно упоминание о торжественном обеде после церемонии интронизации. Но, так как обстоятельства развивались слишком стремительно, прямого сообщения о том, что Вячеслав «седе в Киеве», нет. Он вынужден был покинуть Киев и уехать в Вышгород, где княжил до этого, а Изяслав бежал во Владимир-Волынский; киевским князем стал Юрий Владимирович. Таким образом, занятие княжеского двора и пир — элементы интронизации, с которыми мы встречаемся в данном известии.

³⁶ Там же. Стб. 323.

³⁷ Там же. Стб. 383–384.

³⁸ Там же. Стб. 396.

³⁹ Там же. Стб. 396–397.

⁴⁰ Там же. Стб. 397.

⁴¹ Там же. Стб. 398.

⁴² Там же. Стб. 402.

⁴³ Там же.

В том же 1150 г. Изяслав с помощью венгерского короля возвращает себе Киев. Его третьему вокняжению посвящен подробный летописный рассказ: «Кияне же оуслышавше Изяслава изидоша противу ему с радостью. Изяславъ же въ Къевѣ сѣде на столѣ дѣда своего и отца своего с честью великою... Изяславъ же от святоѣ Софьи поѣха съ братьею на Ярославль двор и оугры позва с собою на обѣдъ и кияны и ту обѣдавъ с ними на велицем дворе на Ярославли и пребыша оу велицѣ весельи»⁴⁴. В рассказе присутствуют три уже знакомых элемента церемонии: посещение храма, занятие княжеского двора и пир.

Но и это княжение Изяслава было недолгим. Владимир Галицкий собирает князей в поход на него, и Изяслав снова просит Вячеслава занять киевский стол. В 1151 г. Вячеслав Владимирович садится на княжение в Киеве: «Вячеславъ же оуѣха в Къевѣ и ѣха к святѣ Софьи и сѣде на столѣ дѣда своего и отца своего и позва сына своего Изяслава к собѣ на обѣдъ и Кияны всѣ и королевы мужи и оугры и съ их дружиною»⁴⁵. Упомянутые элементы церемонии в данном случае — посещение храма и обед.

После смерти Изяслава в 1154 г. Вячеслав делает своим соправителем его брата смоленского князя Ростислава Мстиславича. Летопись сообщает о торжественной встрече князя: «В то же веремя Ростиславъ приде и Смоленска Киеву. Кияне же вси изидоша с радостью великою противу своему князю и тако быша ему ради и вся Руская земля и вси Чернии Клобуци обрадовашася, оже Ростиславъ пришел в Къевѣ... и посадиша его в Къевѣ»⁴⁶. Здесь мы видим только упоминание торжественной встречи князя, но следует иметь в виду, что Ростислав становится не самостоятельным киевским князем, а лишь соправителем Вячеслава Владимировича (с которым заключает соответствующий договор).

В 1155 г. в Киеве снова вокняжился Юрий Владимирович. Летопись сообщает о торжественной встрече князя киевлянами: «И тако Дюрги... вниде въ Къевѣ, выиде противу ему множество народа и сѣде на столѣ отец своих и дѣд и прия с радостью вся земля Руская»⁴⁷.

В 1160 г. киевским князем становится Ростислав Мстиславич. В рассказе о его вокняжении описывается встреча князя горожанами: «поиде Ростислав... и Смоленска к Киеву на стол и вниде в Киев месяца апреля в 13 день на воскресенье, тогда бо бѣ паска честная и срѣтоша вси людие и множество народа, прияша и людие с достохваною честью и сѣде на столѣ дѣда своего и отца своего сии благовѣрнии князь Ростиславъ, и бысть людем двоя радость: и воскресение Господне и княже сѣдение»⁴⁸.

Под 1174 г. сообщается о вокняжении в Киеве Романа Ростиславича, княжившего до этого в Смоленске: «и приде Романъ Киеву и оусрѣтоша и съ кресты митрополить и архимандрить Печѣрский игумень и инии игумени вси и Кияне вси и братья его... князь же Романъ вниде въ Къевѣ и сѣде на столѣ отца своего и дѣда»⁴⁹. Снова говорится только о торжественной встрече князя киевлянами, но на этот раз упомянуто участие духовенства.

Подробное летописное сообщение посвящено вокняжению в Киеве в 1194 г. Рюрика Ростиславича: «Поѣха Рюрикъ Къевоу, изидоша противу емоу со кресты митрополить, игумени вси и кияне вси от мала и до велика с радостью великою. Рюрикъ же вшедъ во святоую Софью и поклонися святому Спасоу и святѣ Богородицѣ и сѣде на столѣ дѣда своего и отца своего славою и съ честью великою»⁵⁰. Таким образом, здесь вновь (впервые после сообщения о вокняжении Вячеслава 1151 г.) встречается упоминание посещения церкви при вступлении на киевский стол.

Итак, для Киева мы встречаем 19 известий о церемонии возведения князя на стол за период с 1068 по 1194 г. Выявляются следующие элементы интронизации (перечисляем по хронологии первого упоминания): занятие княжеского двора (7 известий, первое — под 1068 г.), торжественная встреча

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 416.

⁴⁵ Там же. Стб. 418–419.

⁴⁶ Там же. Стб. 470–471. Текст цит. по Хлебниковскому списку, содержащему более верное чтение.

⁴⁷ Там же. Стб. 478.

⁴⁸ Там же. Стб. 504.

⁴⁹ Там же. Стб. 568. Верная дата события — 1171 г. (см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 189).

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 681.

князя при въезде в город (11 известий, первое — под 1069 г.; при этом в четырех случаях, начиная с известия 1113 г., особо упоминается участие во встрече высшего духовенства), пир на княжеском дворе (5 известий, первое — под 1073 г.), посещение кафедрального собора (5 известий, первое — под 1146 г.). В одном случае (1146 г.) говорится о крестоцеловании киевлян — присяге новому князю.

Со второй половины XII в. появляются сведения об интронизации в других стольных городах.

Несколько известий относятся к Владимиру-на-Клязьме. Под 1175 г. рассказывается (как в Ипатьевской летописи, так и в Лаврентьевской и близких к ней) о вокняжении Ярополка Ростиславича: «а Ярополка князя посадиша владимерѣ с радостью в городѣ Володимѣрѣ на столѣ в святѣи Богородици весь порядѣ положивше»⁵¹ (имеется в виду главный собор Владимира — Успенский). Таким образом, здесь идет речь о посещении собора и о «поряде» — очевидно, договоре князя с горожанами.

В сообщении о последующем вокняжении во Владимире Михалка Юрьевича (1176 г.) фигурируют как храм, так и встреча князя горожанами (известия опять-таки сходны в Лаврентьевской и близких к ней летописях и в Ипатьевской, в последней нет только упоминания духовных лиц): «Выидоша же со кресты противу Михалку и брату его Всеволоду игумени и попове и вси людье, и въѣха в городѣ к святѣи Богородицѣ июня месяца въ 15 день, а в день недѣльный»⁵²; «Тогда же Володимѣрци оузрѣвше князя своя выидоша со кресты и с радостью и с честью великою и вниде Михаило въ городѣ къ святѣи Богородици и сѣде на столѣ дѣда своего и отца своего; того же дни в недѣлю бысть радость велика въ градѣ Володимѣрѣ»⁵³.

Под следующим, 1177 г. в сообщении северо-восточного летописания о вступлении на владимирский стол Всеволода Юрьевича о соборе не упоминается, говорится лишь о торжественной встрече, а также о крестоцеловании владимирцев князю: «Володимерци же... вышедше передѣ Золотая ворота, дѣловаша крестѣ ко Всеволоду князю, брату Михалкову, и на дѣтехъ его, посадиша и на отни и на дѣдни столѣ в Володимери»⁵⁴.

Под 1180 г. в Ипатьевской летописи содержится сообщение о посажении в Смоленске Давыда Ростиславича: «поѣха (Давыд. — К. Г.) борзо к Смоленску и оусрѣте и епископѣ Константинѣ съ кресты и со игумены и с попы, вси смольняни, и вшедѣ Давыдѣ в церковь святые Богородица и сѣде на столѣ дѣда своего и отца своего»⁵⁵. Здесь мы видим торжественную встречу князя с духовенством и народом и посещение князем городского кафедрального собора.

Несколько описаний церемонии относятся к Новгороду. Под 1178 г. в Ипатьевской летописи рассказывается о вокняжении Мстислава Ростиславича: «пришедшоу емоу к Новоугородоу и оусрѣте епископѣ с кресты и с новгородци и игумены и вси вшедше во святоую Софью и поклонишася святому Спасоу и святѣи Богородице и сѣде на столѣ дѣда своего и отца своего»⁵⁶. Названы встреча князя с участием духовенства и посещение кафедрального собора с поклонением иконам.

Еще одно сообщение, упоминающее о посещении князем новгородского Софийского собора, относится к вокняжению в 1200 г. Святослава Всеволодича (содержится в Новгородской первой летописи старшего извода): «Приде же князь Святослав въ Новѣгородѣ, сынѣ Всеволожѣ, вѣнчукъ Гюргевѣ, мѣсяца генваря въ 1, на святого Василия, и посадиша и на столѣ въ святѣи Софии, и обрадовася весь Новѣгородѣ»⁵⁷.

⁵¹ Там же. Стб. 597, то же в Лаврентьевской летописи: «а Ярополка князя посадиша володимерци с радостью в городѣ Володимери на столѣ въ святѣи Богородицѣ весь порядѣ положше» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 374; ср.: ПСРЛ. Т. 38. С. 140–141; ПСРЛ. Т. 41. С. 102).

⁵² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 377; ср.: ПСРЛ. Т. 38. С. 142; Т. ПСРЛ. 41. С. 104.

⁵³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 602.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 379–380; ср.: ПСРЛ. Т. 38. С. 143; ПСРЛ. Т. 41. С. 105.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 616.

⁵⁶ ПСРЛ. Стб. 607. Верная дата этого события — 1179 г. (см.: Березков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 199).

⁵⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 44–45.

Подробный рассказ посвящен в Лаврентьевской летописи вокняжению в Новгороде Константина Всеволодича в 1206 г.: «пришедшо же ему Новугороду месяца марта в 20 святого отца Никиты в день недѣльный, и изидоша со кресты противу ему с честью великою множество народа с епископомъ Митрофаном от мала и до велика, и бысть радость великая Новѣградѣ... пришедшо же ему в церковь святыя Софья и посадиша и на столѣ и поклоншеся и цѣловаша и с честью... и оттолѣ приде в свою обитѣль и мужи Новгородскиѣ учредивъ, отпусти их с честью»⁵⁸. В летописном сообщении прослеживаются такие уже известные нам элементы церемонии, как встреча князя с участием духовенства, посещение кафедрального собора и занятие княжеского двора (под приходом «в свою обитель» явно подразумевается занятие княжеской резиденции на Городище под Новгородом). Кроме того, поскольку слово «учредить» означало «угостить»⁵⁹, можно говорить и об упоминании торжественного пира.

Под 1215 г. в сообщении Новгородской первой летописи о вокняжении Ярослава Всеволодича говорится о торжественной встрече князя новгородцами и архиепископом: «И въиде князь Ярославъ въ Новѣгородѣ, и усрѣте и архиепископъ Антонъ съ новгородьци»⁶⁰.

В Галицко-Волынской летописи в рассказе о событиях 1211 г. сообщается о посажении на стол Даниила Романовича в Галиче. Здесь говорится о посещении собора: «посадиша князя Данила на столѣ отца своего великаго князя Романа во церькви святѣи Богородици приснодевици Мария»⁶¹.

В рассказе того же источника о занятии Даниилом Галича в 1238 г. упоминается встреча князя горожанами, а затем говорится, что «Данило же вниде во град свои и приде ко пречистѣи святѣи Богородици и прия столѣ отца своего»⁶², т. е. речь вновь идет о посещении храма.

* * *

Суммируя рассмотренные выше летописные известия о церемонии интронизации как в Киеве (19 случаев), так и в других городах Руси (10 случаев), можно сделать следующие наблюдения:

- Наиболее часто упоминаемый элемент церемонии (18 раз из 29) — торжественная встреча князя народом (первое упоминание — 1069 г., при возвращении на киевский стол Изяслава Ярославича). Представители церкви упоминаются при этом не всегда (только в 9 случаях, начиная с 1113 г., с вокняжения в Киеве Владимира Мономаха), но вряд ли исходя из этого можно предположить, что их участие было эпизодическим (по крайней мере для периода после 1113 г.).
- 8 раз упоминается занятие княжеского двора; при этом о нем идет речь уже в самых ранних известиях (1068 и 1073 г.); в некоторых случаях занятие двора прямо отождествляется с вокняжением в городе (Святослав и Всеволод Ярославичи в 1073 г., Вячеслав Владимирович в 1150 г.).
- Еще один элемент церемонии — обед (пир) — упоминается сравнительно редко (6 известий), но появляется рано (с 1073 г.). Скорее всего, в большинстве случаев сообщение о торжественном пире просто опущено летописцем в силу ординарности этого элемента церемонии.
- Второй по частоте упоминаний элемент церемонии (13 случаев) — посещение князем городского кафедрального собора — встречается впервые под 1146 г., в рассказе о вокняжении в Киеве Изяслава Мстиславича. При этом ни разу не говорится об особой роли главы церкви — митрополита или епископа — в возведении претендента на княжение. В большинстве случаев (9) употреблена форма «сѣде», подразумевающая действия самого князя, и четыре раза — глагол во множественном числе «посадиша», указывающий на действия представителей города в целом⁶³. Обе эти формы встречаются и в эпизодах,

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 423. О дате см.: Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 88.

⁵⁹ См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т. 3. Стб. 1341–1342.

⁶⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 53. Под 1230 г. там же говорится, что князь Михаил Всеволодич «створи пострѣгы сынови своему Ростиславу Новегородѣ у святѣи Софии и уя влас архепископъ Спиридон; и посади его на столѣ, а самъ поиде въ Църниговъ» (Там же. С. 69). Но из этого известия неясно, одновременными ли были постриги княжича в храме и посажение его на стол, или это два разных события.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 726.

⁶² Там же. Стб. 778.

⁶³ О посажении князя на стол митрополитом сказано только в известии Никоновской летописи XVI в. о вокняжении Всеволода Ольговича в 1139 г., которое не может быть признано достоверным (см. выше: Примеч. 19).

при описании которых церковная церемония не фигурирует («сѣде» в большинстве случаев, а «посадиша» в известиях 1139, 1154 и 1177 г.). Таким образом, нет оснований предполагать, что с появлением церковной церемонии глава церкви стал осуществлять центральный акт обряда (подобно тому, как в Византии патриарх возлагал на императора корону).

Всего два раза упоминается крестоцелование горожан князю и однажды — договор («поряд») князя с горожанами. Поэтому недостаточно оснований предполагать, что это были постоянные элементы церемонии интронизации, тем более что все три известных факта связаны с вокняжениями в неординарных обстоятельствах: Игоря Ольговича в 1146 г. назначает преемником его брат Всеволод (а киевлянам Игорь в конце концов оказался негоден), у Ярополка Ростиславича в 1175 г. имеются соперники в борьбе за Владимир — Михалко и Всеволод Юрьевичи, а Всеволод Юрьевич в 1177 г. занимает владимирский стол опять-таки в условиях междоусобной войны — сразу после победы над братом того же Ярополка Ростиславича Мстиславом.

Вопрос о церковной церемонии интронизации

Главное, о чем спорили исследователи, обращаясь к церемонии интронизации в Древней Руси, — вопрос о светском или церковном характере церемонии и связанная с ним проблема степени византийского влияния на обряд. «Крайние» точки зрения здесь были высказаны Ф. Дворником и А. В. Поппэ. По мнению Дворника, церемония «настоления» носила светский характер, роль церкви в ней была скромной и ограничивалась только участием в торжественной встрече князя при въезде в город⁶⁴. Поппэ, напротив, предполагает существование в Древнерусском государстве с конца X в., со времени княжения Владимира Святославича, заимствованной из Византии церковной церемонии интронизации⁶⁵. Своего рода компромиссной является точка зрения А. П. Толочко, который относит появление церемонии интронизации в церкви к концу XI в.⁶⁶

Известие о посещении князем кафедрального собора впервые встречается под 1146 г. в рассказе о вокняжении в Киеве Изяслава Мстиславича. Причем при описании происшедшего ранее в том же году вокняжения Игоря Ольговича посещение собора не упомянуто. Летописца, описывающего эти события, нельзя заподозрить в какой-то антипатии к Игорю, наоборот, он с большим сочувствием рассказывает о его трагической судьбе. Согласно выводам А. Н. Насонова и Б. А. Рыбакова, текст принадлежит перу летописца младшего брата Игоря — Святослава Ольговича⁶⁷ (выступавшего в событиях августа 1146 г. заодно с Игорем); следовательно, у него не могло быть оснований намеренно опускать по отношению к Игорю такой важный элемент интронизации, как посещение Софийского собора. Поэтому можно предположить, что при вокняжении Изяслава в 1146 г. перед нами первый случай такого рода практики. В связи с этим можно вспомнить как о склонности Изяслава к новациям — он поставил в следующем году в митрополиты Климента Смолятича собором русских епископов, без санкции Константинополя⁶⁸, так и о не вполне законном вступлении его на киевский стол: возможно, Изяслав посещением главного киевского храма в ходе интронизации хотел в какой-то мере легитимировать захват им главного русского княжения (в обход не только Ольговичей, но и своих дядьев Вячеслава и Юрия).

Как бы то ни было, первое зафиксированное в источниках упоминание церкви при интронизации относится к 1146 г., при этом описание другого произошедшего в том же году вокняжения, описание очень подробное, о посещении храма не упоминает. Следовательно, говорить о более раннем появлении церковного обряда «настоления» нет достаточных оснований.

⁶⁴ Dvornik F. Byzantine Political Ideas in Kievan Russia. P. 116–121.

⁶⁵ Poppe A. The Enthronement of the Prince in Kievan Rus' // The 17th International Byzantine Congress: Abstracts of Short Papers. Washington, 1986.

⁶⁶ Толочко А. П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. С. 142–145.

⁶⁷ Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969. С. 102–107; Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 38–43.

⁶⁸ См.: Поппэ А. В. Митрополиты киевские и вся Руси (988–1305 г.) // Цшапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII в. М., 1989. С. 196.

А. В. Поппэ объясняет отсутствие упоминаний о церемонии в храме тем, что она была обычным явлением, и летописцы не считали нужным фиксировать подробности, ограничиваясь указанием на посажение князя на стол⁶⁹. Но в таком случае непонятным выглядит появление подробных описаний церковной церемонии посажения в XII столетии: ведь к этому времени обряд должен был стать еще более привычным. А. П. Толочко полагает, что с XII в. церковная церемония была обязательна, а отсутствие упоминаний о ней при вокняжениях в Киеве Ростислава Мстиславича, Изяслава Давыдовича и Юрия Владимировича объясняется тем, что, когда они происходили, в Киеве не было митрополита. По предположению Толочко, князья совершили в этих случаях только светскую часть церемонии, а необходимый церковный обряд был осуществлен после появления главы русской церкви на кафедре⁷⁰. Оба приведенных тезиса вряд ли можно принять. Действительно, при вокняжении Юрия Владимировича и Ростислава Мстиславича⁷¹ митрополит в Киеве отсутствовал⁷². Но при вокняжении Изяслава Мстиславича в 1146 г. митрополита также не было⁷³, однако в летописном рассказе подробно описывается церемония интронизации, в том числе и посещение князем Софийского собора. Также нет оснований говорить о проведении церковной части церемонии «задним числом». Только в случае благословения митрополитом Константином Юрия Владимировича можно допустить совершение определенной церемонии, имеющей отношение к интронизации, хотя нельзя с уверенностью утверждать, что под «благословением» князя подразумевается некая церемония, а не обычное благословение христианина духовным лицом⁷⁴. О благословении митрополитом Изяслава Давыдовича под 1161 г. (этот эпизод имеет в виду А. П. Толочко) ничего не сказано. Вокняжения князя в этом году не происходило, и митрополит вообще не упоминается. Говорится лишь о заезде князя в Киев во время его войны с Ростиславом Мстиславичем: «Изяславъ же вниде в Киевъ месяца февраля въ 12 и вшедь въ Софью, всим дасть прощение кианомъ ихъ же бяху изоимали, и поиде Изяславъ к Бѣлуграду»⁷⁵. Описание благословения митрополитом Ростислава Мстиславича, по предположению А. П. Толочко, могло находиться «в утраченной части статьи 1164 г. Ипатьевской летописи, вслед за известием о приходе митрополита Иоанна»⁷⁶. Но Иоанн был не первым митрополитом со времени вокняжения Ростислава Мстиславича. С 1160 по 1163 г. митрополитскую кафедру занимал Федор, приглашенный по ходатайству самого Ростислава Мстиславича⁷⁷. Непонятно, почему он не мог провести необходимую, по мнению А. П. Толочко, церемонию благословения.

Таким образом, уверенно говорить о появлении церковной церемонии можно только начиная с середины XII столетия. При этом поначалу она, очевидно, была необязательной. Тем не менее нельзя не отметить, что начиная с 1146 г. упоминание посещения храма становится самым частым, наряду со встречами въезжающего в город князя, называемым в источниках элементом интронизации (соответственно 13 и 15 случаев из 23). Поэтому можно полагать, что церковная часть церемонии стала центральным элементом обряда и именно в храме происходило провозглашение претендента князем, ранее (судя по известиям 1068 и 1073 г.) осуществлявшееся на княжеском дворе.

⁶⁹ Poppe A. The Enthronement of the Prince in Kievan Rus'. P. 273.

⁷⁰ Толочко А. П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. С. 145–146.

⁷¹ При вокняжении в Киеве Изяслава Давыдовича церемония вообще не описывается, сказано только, что он «сѣде на столѣ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 476).

⁷² Поппэ А. В. Митрополиты киевские и всяя Руси (988–1305 г.). С. 196–198.

⁷³ Там же. С. 196.

⁷⁴ «Тогда же митрополитъ Костянтинъ приде ись Царягорода и прия князь Дюрги с чествомъ и Полотъский епископъ и Мануиль Смоленский епископъ иже бѣ бѣгалъ передъ Климомъ. И тако испровергъши Климову службу и ставления и створившее божественную службу и благословиша князя Дюрга Володимирича, а потомъ и дьякономъ ставление отда, иже бѣ Клими ставиль митрополитъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 485).

⁷⁵ Там же. Стб. 516.

⁷⁶ Толочко А. П. Князь в Древней Руси. С. 146.

⁷⁷ Поппэ А. В. Митрополиты киевские и всяя Руси (988–1305 г.). С. 198.

С вопросом о церковной церемонии интронизации связан выдвинутый А. В. Поппэ и поддержанный А. П. Толочко тезис, что вступление князя на стол происходило, как правило, в воскресные дни⁷⁸. Попытаемся проверить это предположение исходя из всех точно датированных известий о вокняжениях⁷⁹.

Всеслав Брючиславич — Киев — 15 сентября 1068 г.⁸⁰ — понедельник
Изяслав Ярославич — Киев — 2 мая 1069 г.⁸¹ — суббота
Святослав и Всеволод Ярославичи — Киев — 22 марта 1073 г.⁸² — пятница
Всеволод Ярославич — Киев — 1 января 1077 г.⁸³ — воскресенье
Святополк Изяславич — Киев — 24 апреля 1093 г. — воскресенье⁸⁴
Владимир Мономах — Киев — 20 апреля 1113 г. — воскресенье⁸⁵
Мстислав Владимирович — Киев — 20 мая 1125 г.⁸⁶ — среда
Ярополк Владимирович — Киев — 17 апреля 1132 г. — воскресенье⁸⁷
Святослав Ольгович — Новгород — 19 июля 1136 г. — воскресенье⁸⁸
Ростислав Юрьевич — Новгород — 10 мая 1138 г.⁸⁹ — вторник
Вячеслав Владимирович — Киев — 24 февраля 1139 г. — среда⁹⁰
Святослав Ольгович — Новгород — 25 декабря 1139 г.⁹¹ — понедельник
Всеволод Ольгович — Киев — 5 марта 1139 г.⁹² — пятница
Ростислав Юрьевич — Новгород — 26 ноября 1141 г.⁹³ — вторник
Святополк Мстиславич — Новгород — 19 апреля 1142 г.⁹⁴ — воскресенье
Изяслав Мстиславич — Киев — 13 августа 1146 г.⁹⁵ — вторник
Ростислав Мстиславич — Новгород — 17 апреля 1154 г.⁹⁶ — суббота
Мстислав Юрьевич — Новгород — 30 января 1155 г.⁹⁷ — воскресенье
Изяслав Давыдович — Киев — 19 мая 1157 г. — воскресенье⁹⁸
Ростислав Мстиславич — Киев — 12 апреля 1160 г. — воскресенье⁹⁹
Мстислав Ростиславич — Новгород — 21 июня 1160 г.¹⁰⁰ — вторник
Святослав Ростиславич — Новгород — 28 сентября 1161 г.¹⁰¹ — четверг
Мстислав Изяславич — Киев — 15 мая 1167 г.¹⁰² — понедельник

⁷⁸ *Rorre A.* The Enthronement of the Prince in Kievan Rus'. P. 273; *Толочко А. П.* Князь в Древней Руси. С. 143, 146.

⁷⁹ В случаях, когда источник не указывает день недели, он вычислялся по формулам (см., например: Специальные исторические дисциплины. СПб., 2003. С. 185–187).

⁸⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 171; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 161.

⁸¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 174; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 163.

⁸² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 182; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 172.

⁸³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 190.

⁸⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 218; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 209.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 276; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 290.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 289. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 133.

⁸⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 294. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 135.

⁸⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 24.

⁸⁹ Там же. С. 25.

⁹⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 302; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 306. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 137–138.

⁹¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 25.

⁹² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 303; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 307. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 137–138.

⁹³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 26.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 313.

⁹⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 29.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 490. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 168.

⁹⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 504.

¹⁰⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 30–31.

¹⁰¹ Там же. С. 31.

¹⁰² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 535. О дате см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 179–180.

Роман Мстиславич — Новгород — 14 апреля 1168 г. — воскресенье¹⁰³
 Глеб Юрьевич — Киев — 8 марта 1169 г.¹⁰⁴ — среда
 Рюрик Ростиславич — Новгород — 4 октября 1170 г.¹⁰⁵ — воскресенье
 Владимир Мстиславич — Киев — 15 февраля 1171 г.¹⁰⁶ — понедельник
 Михалко Юрьевич — Владимир — 15 июня 1176 г. — воскресенье¹⁰⁷
 Владимир Святославич — Новгород — 17 августа 1180 г.¹⁰⁸ — воскресенье
 Рюрик Ростиславич — Киев — 1180 г. — воскресенье¹⁰⁹
 Ярослав Владимирович — Новгород — 20 ноября 1187 г.¹¹⁰ — пятница
 Ярополк Ярославич — Новгород — 1197 г. — воскресенье¹¹¹
 Святослав Всеволодич — Новгород — 1 января 1200 г.¹¹² — суббота
 Константин Всеволодич — Новгород — 20 марта 1206 г. — воскресенье¹¹³
 Мстислав Мстиславич — Новгород — 11 февраля 1216 г.¹¹⁴ — воскресенье
 Всеволод Константинович — Переяславль-Русский — 15 сентября 1227 г.¹¹⁵ — среда

Из 36 дат на воскресенье приходится 17 — менее половины (понедельник, вторник и среда — по 4, пятница и суббота — по 3, четверг — 1). Можно сказать, что определенное предпочтение воскресенью прослеживается, но правилом вокняжение в этот день недели не было. Причем нет и заметной тенденции к увеличению «доли» воскресных дней после появления в церемонии интронизации церковного обряда: если учитывать даты вокняжений начиная с 1146 г., на воскресенья из них приходится 11 из 21, т. е. немногим больший процент, чем в более ранний период¹¹⁶.

Проблема «стола»

Впервые «стол» упоминается в Начальном летописании под 1015 г. в речи дружины, обращенной к Борису, сыну Владимира Святославича: «се дружина оу тебе отня и вои, поиди сяди Къевѣ на столѣ отни»¹¹⁷. При сообщении о вокняжении предыдущих князей про стол не говорится, указывается просто, что князь «седе» в городе или «нача княжити»¹¹⁸. Начиная же с 1015 г. упоминание стола, как правило, сопровождает сообщение о начале княжения князя.

Понятие «стол» в приложении к князю могло иметь различные значения — от конкретного предмета¹¹⁹ до символического обозначения стольного города¹²⁰. Первым исследователем, который

¹⁰³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 33.

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 545. О дате см.: Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 181.

¹⁰⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 33.

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 566. О дате см.: Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 184.

¹⁰⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 377.

¹⁰⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 36.

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 616.

¹¹⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 39.

¹¹¹ Там же. С. 43.

¹¹² Там же. С. 44–45.

¹¹³ Там же. С. 50.

¹¹⁴ Там же. С. 54.

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 450.

¹¹⁶ Не встречается и случаев попадания вокняжений на наиболее крупные церковные праздники, не приходившиеся на воскресные дни. А. В. Лаушкин отметил, что вокняжение Всеволода Ярославича в 1177 г. пришлось на именины Владимира Святого, а Изяслава Ярославича в том же году — на день его памяти (Лаушкин А. В. Еще о точных датировках в Повести временных лет // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 3 (33). С. 37). На именины Владимира, 1 января (день памяти Василия Великого), пришлось также вокняжение в Новгороде Святослава Всеволодича в 1200 г., а Мстислав Владимирович в 1125 г. сел в Киеве в день первого перенесения мощей св. Бориса и Глеба. Но здесь просматривается ориентация не на церковные праздники (Владимир Святославич в изучаемую эпоху еще не был официально канонизирован), а на память о выдающихся предках членов правящего рода.

¹¹⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 132.

¹¹⁸ См.: Там же. Стб. 20, 23, 42, 74–75, 79.

¹¹⁹ Например, в надписях на монетах: «Владимиръ на столѣ» и «Святополкъ на столѣ» (с соответствующим изображением князя, сидящего на престоле), см.: Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России: Сводный каталог русских монет X–XI веков. Л., 1983. С. 115–132, 161–191.

¹²⁰ Например: «стол... Изяславу Къевѣ»; «нама жаль отня стола» (т. е. Киева) (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 161, 173).

поставил вопрос о местонахождении княжеского «стола» как конкретного предмета, княжеского престола, был А. В. Поппэ. По его мнению, стол киевских князей находился в конце X — начале XI в. (при Владимире Святославиче) в киевской Десятинной церкви, а затем был перенесен Ярославом Владимировичем в Софийский собор¹²¹. А. П. Толочко считает, что в течение X—XI в. стол находился на княжеском дворе, с появлением церемонии интронизации в церкви в конце XI в. исследователь связывает перенос стола с княжеского двора в Софийский собор¹²².

Таким образом, предложены два возможных варианта местонахождения стола: княжеский двор и церковь. Рассмотрим вероятность каждого из них.

В пользу местонахождения стола в церкви говорит, казалось бы, сама летописная формулировка: «приехал (или вошел, пришел) к святой (название храма) и сел на столе», в которой выражение «седе на столе» выглядит связанным непосредственно с упомянутой ранее церковью, отчего кажется естественным сделать вывод, что посажение осуществлялось непосредственно в храме, и именно здесь находился «стол». Формулировка такого типа встречается 10 раз — в сообщениях о вокняжениях в Киеве Изяслава Мстиславича (1146 г.) и Рюрика Ростиславича (1194 г.), во Владимире — Ярополка Ростиславича (1175 г.) и Михалка Юрьевича (1176 г.), в Новгороде — Мстислава Ростиславича (1179 г.), Святослава Всеволодича (1200 г.) и Константина Всеволодича (1206 г.), в Смоленске — Давыда Ростиславича (1180 г.), в Галиче — Даниила Романовича (1211 и 1238 г.).

Однако самое развернутое из имеющихся описаний церемонии — рассказ о вокняжении Изяслава Мстиславича в Киеве в 1150 г. — позволяет допустить, что глагол «седе» относится ко всей церемонии, а не только к действию, производимому в храме: «Кияне же оуслышавше Изяслава изидоша противу ему с радостью. Изяславъ же въ Киевѣ сѣде на столѣ дѣда своего и отца своего с честью великою, много изымаша дружины Гюргевы по Киеву. Изяславъ же от святоѣ Софьи поѣха съ братьею на Ярославль двор и оугры позва с собою на обѣдъ и кияны и ту обѣдавъ с ними на велицем дворе на Ярославли и пребыша оу велицѣ весельи»¹²³. Такое предположение подкрепляется рассказом о предыдущем вокняжении Изяслава в том же 1150 г. Тогда его дядя Вячеслав занял «Ярославль двор» (т. е. княжеский двор, построенный некогда Ярославом Мудрым), и киевляне — сторонники Изяслава — в речи, обращенной к последнему, трактовали это так, что «Вячьславъ сѣдити ти в Киевѣ». Изяслав попытался договориться о его уходе через послов, но Вячеслав отказался покинуть Киев. Тем временем «кияне же рекоша Изяславу: “Ты нашъ князь, поѣди же къ святои Софьи, сяди на столѣ отца своего и дѣда своего”». Изяслав «поклонивъся святоя Софьи», но, сказав об этом, летописец не констатирует, что он «сел» в Киеве, а продолжает: «...и възъѣха на дворъ да Ярославль». Изяславу удалось договориться с дядей, тот ушел со двора и отправился в Вышгород. И только сказав об этом факте, летописец заключает: «Изяславъ сѣде Киевѣ»¹²⁴. Похоже, что в представлении современников главным свидетельством, что князь «сел» в городе, было занятие двора. Таким образом, формальное соседство упоминания посещения храма и формулы «седе на столе» не доказывает, что именно в храме находился особый княжеский престол.

Как выяснено выше, до 1146 г. у нас нет оснований говорить о церковной составляющей церемонии интронизации. Следовательно, до этого времени не могло быть и «стола» в храме. Можно ли допустить, что с укоренением церковной церемонии появились и специальные княжеские троны в главных соборах стольных городов? Постоянное «царское место» — трон в храме — появилось на Руси только в 1551 г. (четыре года спустя после венчания на царство Ивана IV)¹²⁵. Византийский император в X в. не возводился после возложения на него короны на трон в основном помещении собора, он садился на трон

¹²¹ Poppe A. Das Reich der Rus im 10 und 11 Jahrhundert: Wandel der Ideenwelt. S. 351–352; Poppe A. The Enthronement of the Prince in Kievan Rus'.

¹²² Толочко А. П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. С. 139–147.

¹²³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 416.

¹²⁴ Там же. Стб. 397–398.

¹²⁵ См.: Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 118. При этом оно не служило сидением — царь стоял возле него во время службы (см.: Рычка В. М. «Город Ярослава». С. 157).

позднее в мутатории (специальном помещении справа от алтаря)¹²⁶. Русские князья домонгольского периода, между тем, претензий на царский (императорский) титул не обнаруживали¹²⁷. Полагать, что они возводились во время церемонии вокняжения на некие постоянно существующие троны в соборах, в то время как этого не происходило с императором Византии, было бы странно. Что касается временных возвышений, то их сооружение не исключено. Однако столь же вероятно, что частое упоминание формулы «седе на столе» рядом с упоминанием посещения храма — только свидетельство провозглашения претендента князем в церкви¹²⁸.

Что касается княжеского двора, то в пользу нахождения «стола» на нем говорят случаи, когда занятие двора приравнивается к вокняжению в городе (Святослав и Всеволод Ярославичи в 1073 г., Вячеслав Владимирович в 1150 г.), а также еще некоторые данные.

В двух случаях стол назван именем Ярослава Владимировича: «стол Ярославль» упоминается при вокняжении в Киеве Вячеслава Владимировича в 1139 г.¹²⁹ и Мстислава Изяславича в 1167 г.¹³⁰ Сходное название неоднократно упоминающегося в известиях о вокняжении (сообщения 1146 г. об Игоре Ольговиче, 1150 г. о Вячеславе Владимировиче и Изяславе Мстиславиче) княжеского двора, занятие которого является частью церемонии интронизации, — «Ярославль двор» — наводит на предположение если не о тождестве, то о «сопряженности» этих объектов. Естественно думать, что стол, обозначаемый как «Ярославов», мог находиться на «Ярославлем дворе», т. е. на княжеском дворе, построенном Ярославом Владимировичем.

В пользу этого предположения говорит еще одно известие, в котором «стол» «персонифицирован». В Софийской первой и Новгородской четвертой летописях говорится, что Болеслав Храбрый, заняв со Святополком Окаянным Киев в 1018 г., «сѣде на столе Володимерѣ»¹³¹. Эти летописи сохранили ряд ранних известий за XI столетие¹³². Очевидно, что «стол Владимир» — это то же, что «стол огонь» в сообщениях о речи дружины к Борису в 1015 г. и вокняжении Ярослава в 1016 г. («сѣде в Киевѣ на столѣ отни»)¹³³. Смену «персонифицированного» названия киевского стола — с «Владимира» на «Ярославов» — естественнее всего связывать с возведением Ярославом нового княжеского двора (взамен существовавшего во времена Ольги, Святослава и Владимира), двора, который служил княжеской резиденцией и в XII столетии¹³⁴.

Источниками, содержащими визуальное изображение «стола», являются древнерусские монеты конца X — начала XI в. и миниатюры Радзивилловской летописи. Значительная часть монет Владимира содержит надпись «Владимиръ на столѣ»; соответствующая надпись имеется и на некоторых монетах

¹²⁶ Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae Byzantiae. Vol. 1. Bonnae, 1838. I. 38 (P. 193).

¹²⁷ См.: Vodoff W. Remarques sur le valeur du terme "tsar" appliqué aux princes russes avant le milieu du XVe siècle // Oxford Slavonic Papers. New Series. Oxford, 1978. Vol. 11. P. 1–41.

¹²⁸ Заметим, что в трех случаях — с Ярополком Ростиславичем 1175 г., Святославом Всеволодичем 1200 г. и Даниилом Романовичем 1211 г. — храм упоминается после формулы «посаждения»: «посадиша на столе в (название собора)». Это явно указывает на провозглашение князем именно в храме, но возводился ли при этом специальный престол, остается неясным.

¹²⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 306 («и посадиша и на столѣ прадѣа своего Ярослава»).

¹³⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 535 («и сѣде на столѣ Ярославли»).

¹³¹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 108; ПСРЛ. М., 2000. Т. 6. Вып. 1. Стб. 130. Я. Банашкевич сопоставил это известие с сообщением немецкого хрониста Титмара Мерзебургского о том, что вошедших в Киев Болеслава и Святополка митрополит «почтил... в храме св. Софии» (Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Überarbeitung. В., 1935. S. 530 (VIII. 32); Титмар Мерзебургский. Хроника. М., 2005. С. 177), полагая, что речь идет в обоих случаях об интронизации Болеслава (Banaszkiewicz J. Boleslaw i Peredslawa: Uwagi o uroczystości stanowienia władcy w związku z wejściem Chrobrego do Kijowa. S. 6, 15–17, 20). Но вряд ли у Титмара речь идет о вступлении Болеслава на стол, в противном случае следовало бы ожидать от хрониста прямого указания по этому поводу (как делает Титмар, говоря о захвате Болеславом княжеского стола в Праге в 1000 г.: Титмар Мерзебургский. Хроника. С. 86). В то же время сам по себе факт вокняжения Болеслава на некоторое время в Киеве подтверждает и текст «Повести временных лет» по древнейшим летописям, в которых говорится, что «Болеславъ же бѣ Киевѣ сѣдя» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 143; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 131).

¹³² Кучкин В. А. «Съ тоя же Каылы Святоплѣкъ...» // Russia mediaevalis. München, 1995. Т. VIII, 1. С. 98–102.

¹³³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 129.

¹³⁴ О местоположении «Ярославля двора» и прежнего двора киевских князей см.: Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1983. С. 34–36, 39, 194–197.

Святополк (киевский князь в 1015—1016 и 1018—1019 г.) — «Святополкъ на столѣ». На монетах присутствует изображение князя, сидящего на широкой скамье, на одних типах монет — без спинки, на других — с невысокой или достаточно высокой спинкой¹³⁵. На миниатюрах князь изображается сидящим на широкой скамье без спинки¹³⁶. Из изображений на монетах неясно, где, в представлении заказчиков и изготовителей монет, находится «стол» (хотя более вероятным кажется, что подразумеваться должно постоянное место пребывания князя, которым не могла быть церковь). Что же касается миниатюр, то на них князь изображен в повседневных делах, таких как советы с другими князьями, прием послов и т. д.¹³⁷ Очевидно, что князь здесь мыслится находящимся в своей повседневной резиденции. Имеются изображения, иллюстрирующие занятие князем стола: на них нет подробностей интронизации, но князь нарисован сидящим на «столе» с оружием в руках¹³⁸. Такая деталь, явно неуместная в храме, показывает, что миниатюристы представляли себе стол находящимся в другом месте.

Таким образом, можно полагать, что «стол» как «постоянно действующий» конкретный предмет отождествлялся современниками с сиденьем правителя, находившимся на княжеском дворе. С распространением с середины XII столетия церковной церемонии интронизации это представление не исчезло, поскольку она все равно дополнялась занятием двора. Но вероятно, что центральный элемент обряда — провозглашение князем — стал теперь происходить в храме. Сопровождалось ли это провозглашение посажением претендента на временно сооруженное возвышение, символизирующее «стол», остается неясным.

О византийских и славянских параллелях

В предшествующей литературе в связи с интронизацией князей Древней Руси неоднократно упоминали византийскую традицию коронования императоров, но подробного сопоставления произведено не было. Кроме того, исследователями, за исключением Я. Банашкевича, не учитывались сведения об аналогичных церемониях в славянских странах. Поэтому представляется полезным сопоставить данные о древнерусском обряде возведения на княжение, с одной стороны, с византийскими, с другой — с известными на славянском материале¹³⁹.

Византийский обряд коронования прошел определенную эволюцию. Первоначально коронация византийских императоров происходила по римскому образцу, связанному с актом военного провозглашения (поднятие императора на щит и коронование его солдатским шейным обручем). Церковь в начале существования Восточной Римской империи (конец IV — первая половина V в.) не принимала участия в обряде. Только со второй половины V в. (коронация Льва I в 457 г.) к военному провозглашению присоединяется церковное коронование, служащее лишь дополнением к основному обряду и производившееся вне церкви. И лишь с начала VII в. церковное коронование переносится в церковь св. Софии и становится единственным коронационным актом¹⁴⁰.

Подробное описание императорской коронации, осуществляемой патриархом в храме св. Софии, содержится в «Книге о церемониях византийского двора» императора Константина VII Багрянородного. Император приходил в храм св. Софии, облачался в мутатории в царские одежды, проходил на амвон вместе с патриархом, где патриарх возлагал на него корону. Народ приветствовал императора возгласами.

¹³⁵ См.: Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России: Сводный каталог русских монет X—XI веков. С. 69—70, 74, 77, 83, 115—132, 161—191.

¹³⁶ См.: Радзивилловская летопись. Текст. Исследование. Описание миниатюр. Т. 1. Факсимильное воспроизведение рукописи. СПб., 1994. Список Радзивилловской летописи (свод начала XIII столетия) относится к концу XV в., но миниатюры, вероятно, опирались на домонгольские образцы.

¹³⁷ См.: Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 30—32.

¹³⁸ Радзивилловская летопись. Л. 200 об., 212 (вокняжения в Киеве Юрия Долгорукого и Романа Ростиславича).

¹³⁹ Речь идет, разумеется, о кратком обзорном сопоставлении — подробное рассмотрение сравнительно-исторического аспекта древнерусской интронизации может быть темой отдельной работы.

¹⁴⁰ Острогорский Г. А. Эволюция византийского обряда коронования // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. М., 1973. С. 35—36, 39. Эволюция обряда императорской коронации связывается с эволюцией представлений о природе самой верховной власти, лежащих в его основе.

С короной на голове император удалялся в мутаторий, где восседал на троне и принимал поклонение высших сановников¹⁴¹.

Среди славянских стран раннего Средневековья сведения о церемонии возведения правителя на престол имеются только по Карантании и Чехии. При этом описания карантанского обряда относятся к периоду, когда Карантанское княжество давно утратило самостоятельность (XII–XV в.). Здесь обряд носил светский характер, центральным элементом церемонии было посажение князя на камень, после чего действие дополнялось церковной службой в ближайшем храме¹⁴².

Что касается Чехии (а чешский материал может представлять особый интерес в силу того, что формирование государственности на Руси и в Чехии шло относительно синхронно), то здесь в XI–XII в. возведение князей на престол происходило посреди Пражского Града, князья при этом садились на находящийся там каменный престол. Церковь до XII в. не принимала участия в церемонии¹⁴³. В наиболее подробном описании церемонии интронизации в Хронике Козьмы Пражского (нач. XII в.) — рассказе о посажении на престол князя Бржетислава в 1037 г. — можно усмотреть параллели к тому, что известно на Руси: «Яромир взял племянника Бржетислава и повел его к княжескому престолу (*ad sedem principalem*). И как всегда это делают при избрании князя, через ограду верхнего дворца (*superioris aulae*) народу бросили 10 тысяч или больше монет, чтобы он не напирал на княжеский трон, а лучше собирал брошенные ему монеты. Когда князь воссел на престоле (*in solio*) и воцарилось молчание, Яромир, взяв племянника за правую руку, сказал народу: «Вот ваш князь! (*Ecce dux vester!*)». В ответ народ прокричал одобрительно трижды: «*Křš!*», что означает «*Kyrie eleison*»¹⁴⁴. Сообщение о приветственных возгласах народа и произнесении формулы «Вот ваш князь» находит определенное соответствие в русских источниках: в 1146 г. представители киевлян в присутствии умирающего Всеволода Ольговича говорят его преемнику Игорю: «Ты намъ князь»¹⁴⁵; затем в том же году слова «ты нашъ князь» говорят Изяславу во время его похода на Киев сначала черные клобуки и жители Поросья, затем белгородцы и василевцы, наконец, посланники от киевлян¹⁴⁶. В 1150 г. киевляне говорят тому же Изяславу: «Ты нашъ князь, поди же къ святой Софьи, сяди на столъ отца своего и дѣда своего»¹⁴⁷. Правда, в русских примерах восклицания относятся к действиям, предшествующим собственно занятию престола; но, учитывая известие о «прославлении» Всеслава «средѣ двора княжа» в 1068 г., можно полагать, что они повторялись и в момент провозглашения претендента князем на княжеском дворе.

Можно отметить, что древнерусский обряд интронизации прошел эволюцию, сходную с той, что имела место в Византии: от чисто светского обряда до провозглашения претендента правителем в храме (причем если в Византии эта эволюция заняла почти три столетия после христианизации, то на Руси — полтора). В появлении церковной церемонии могло проявиться влияние Византии. В то же время нет данных об особой роли на Руси главы церкви в церемонии, в отличие от Византии, где патриарх возлагал на императора корону¹⁴⁸. Сходство с чешской церемонией состоит в том, что до XII столетия она проходила без участия церкви; можно усмотреть и некоторое сходство в процедуре

¹⁴¹ Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae Byzantiae. Vol. 1. Bonnae, 1829. I. 38 (P. 191–193).

¹⁴² См.: Grafenauer B. Ustoličevanje koroških vojvod in država karantanskih Slovencev. Ljubljana, 1952.

¹⁴³ Schmidt R. Die Einsetzung der böhmischen Herzöge auf den Thron zu Prag // Aspekte der Nationenbildung in Mittelalter. Sigmaringen, 1978; Merhautová A., Třeštík D. Ideové proudy v českém umění. Praha, 1985. S. 14.

¹⁴⁴ Die Chronik der Böhmen des Cosmas von Prag. Berlin, 1923. I. 42. S. 79; русский перевод по кн.: Козьма Пражский. Чешская хроника. М., 1962. С. 96.

¹⁴⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 321.

¹⁴⁶ Там же. Стб. 323.

¹⁴⁷ Там же. Стб. 397.

¹⁴⁸ В. Савва высказал предположение, что «обряды княжеских поставлений» могли быть сходны не с коронацией императора, а с чинами «производства византийских сановников»; при этом сам автор назвал это допущение «гадательным» (Савва В. Московские цари и византийские василевсы: К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901. С. 120–121). Такое сопоставление сомнительно уже потому, что на сановников знаки достоинства возлагал правитель государства — император, а для Руси речь идет о поставлении самих носителей высшей власти.

провозглашения. Не исключено, что здесь сказались следы общеславянских корней обряда¹⁴⁹, но данных для уверенных суждений на этот счет недостаточно.

* * *

Проведенная работа показала, что представление о крайней скудости материалов об интронизации князей в домонгольской Руси является в некоторой степени преувеличением. Разумеется, в источниках не найти таких детальных описаний этой церемонии, какие имеются в Чине венчания московских царей или в «Книге церемоний византийского двора». Но в целом данных о том, что происходило при вступлении князя на стол, не так уж мало. Причем имеющиеся сведения позволяют проследить эволюцию обряда.

В XI — первой половине XII в. церемония включала в себя торжественную встречу претендента на княжение населением, занятие княжеского двора, где располагалась резиденция его предшественника и последующий пир на этом дворе. Центральным элементом было провозглашение присутствующими на церемонии претендента князем на княжеском дворе (возможно, что при этом произносилась словесная формула «Ты наш князь»). На княжеском дворе располагался и конкретный предмет, отождествлявшийся со столом, — сиденье (трон) князя.

В середине XII столетия появляется и быстро утверждается новый элемент обряда — посещение претендентом главного храма города, где происходило его поклонение иконам. Вероятно, в храме стал проходить центральный эпизод церемонии — провозглашение князем (однако нет данных об особой роли при этом главы церкви). Но занятие княжеского двора как элемент интронизации сохранялось, без него «посаждение» считалось «неполным». Сохранялись в середине XII — начале XIII в. и такие элементы церемонии, как встреча претендента населением и завершающий пир на княжеском дворе.

¹⁴⁹ Термин «стол» в значении «трон правителя» встречается во всех славянских языках, упоминается он и в памятниках старославянской письменности (см.: Старославянский словарь (по рукописям X—XI в.). М., 1994. С. 625—626; Словарь старославянского языка. Т. 4. СПб., 2006. С. 168). В Скандинавии, откуда вела свое происхождение древнерусская княжеская династия, в эпоху викингов интронизация конунга проходила на поле для тинга (народного собрания), претендента при этом возводили на камень (см.: Vestergaard E. A Note on Viking Age Inaugurations // Coronations: Medieval and Early Modern Ritual. Berkeley, 1990. S. 119—124). Здесь параллелей к тому, что известно о русском обряде возведения на княжение, усмотреть не удается.